

Н. В. Горбунова, г. Тюмень

**«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ»: СВОЕОБРАЗИЕ
ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ РОМАНАХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. («МИДЛМАРЧ» ДЖ. ЭЛИОТ
И «БЕСЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)**

Сопоставительный анализ романов Дж. Элиот «Мидлмарч» (1872) и Ф.М. Достоевского «Бесы» (1871-1872) представляется любопытным не только на этапе простого совпадения хронологии. Единый исследовательский контекст обусловлен прежде всего характером центральной для обоих авторов темы. Это тема провинциальной жизни, с веками складывавшимся патриархальным укладом, который претерпевает значительные изменения на фоне фундаментальных изменений социальной структуры. В романе Дж. Элиот многое связано с парламентской реформой 1832 года; в романе Ф. М. Достоевского изображается пореформенная Россия, переживающая сложный период после отмены крепостного права в 1861 году.

Дж. С. Милль в своем знаменитом эссе «О свободе» (1859), — оказавшем огромное воздействие на обоих романистов, — высказывал определенные опасения по поводу высокой степени «нивелирующего» влияния политических перемен XIX столетия на повседневную жизнь. В частности, он отмечал: «<...> два условия необходимы для человеческого развития, потому что только при существовании этих условий и возможно, чтобы люди не походили друг на друга, а именно: свобода и разнообразие положений. <...> В прежнее время различные классы общества, различные местности, промыслы, ремесла, — все это жило своей особой жизнью, составляло, так сказать, свои особые отдельные миры. <...> теперь <...> все читают, слышат, видят одно и то же, посещают одни и те же места, у всех одинаковые цели, одинаковые надежды и опасения, все имеют одинаковые права и вольности, одинаково ими пользуются, у всех одни и те же средства для их охранения» [5].

Однако, констатируя неизбежное стремление общества к всеобщей стандартизации жизни, он в то же время настаивал на необходимости защищать права отдельной личности, культивировать индивидуальность. Неслучайно Дж. С. Милль не преминул заметить: «Вкус человека есть его личное достояние в такой же степени, как и его мнение или его кошелек» [5]. Если же учитывать смысл понятия «вкус» не только в высшем, чисто эстетическом, но и в самом буквальном смысле, вполне закономерен вопрос о том, в какой мере гастрономический репертуар, представленный в литературе определенной эпохи, позволяет отразить национальное своеобразие, насколько личные вкусовые пристрастия конкретного персонажа адекватны запросам его времени.

В романе Дж. Элиот повествование разворачивается в окрестностях городка Мидлмарч, среди «ландшафтов Средней Англии» [6: 108]; в романе Ф. М. Достоевского — в неназванном губернском городе, уподобленном условному щедринскому «Глупову». Это позволяет предположить, что, несмотря на многообразные изменения, патриархальный уклад в этих местечках продолжает сохраняться и сознательно поддерживаться населением. В то же время еда и все, что с ней связано, может расцениваться как главный показатель этого уклада, — некий национально-культурный идентификатор, который четко маркирует особенности «своей» модели мира, содержащей фундаментальное архаическое ядро и позволяющей разграничивать «свое» и «чужое» [3].

Различия между культурами Англии и России как абсолютно разными мирами, принципиально чуждыми друг другу, в первой половине XIX века бросались в глаза даже незаинтересованному наблюдателю. В частности, маркиз де Кюстин в своих «Записках путешественника» отмечал: «В странах, изобилующих машинами, дерево и металл кажутся одаренными душою, в странах с деспотическим правлением люди кажутся деревянными; является вопрос, что им делать с ненужною им мыслью, и нехорошо становится на душе, когда подумаешь о силе, которую понадобилось проявить по отношению к разумным созданиям, чтобы сделать из них вещи; в России я жалею людей, как в Англии я боялся машин. Там только слова не хватает созданиям человека, слова не надо созданиям государства» [4: 21].

Сопоставительный анализ обращения авторов указанных романов к определенному гастрономическому контексту также позволяет выявить очевидность различий, обладающих своей спецификой.

У Дж. Элиот преобладает четкая сосредоточенность преимущественно на национальном кулинарном репертуаре. При этом присутствует довольно явное разграничение «вкусов», отражающих возможности представителей каждого сословия. Члены аристократического семейства Брук или Де Браси четко придерживаются «ежедневного», строго продуманного ритуала, освященного давностью веков («обед», «второй завтрак», «последний званый обед перед свадьбой» и т.п.). Видимо, поэтому автор не акцентирует внимания на конкретных продуктах, которые они употребляют. Читатель, вероятно, и не должен задумываться о характере их меню. Достаточно того, что аристократы едят что-то, удостоенное обобщающих названий: «суп» («тарелка жидкого супа»), «чай», «кофе», «десерт». Это блюда, характерные для стола потомственной или поместной аристократии во всей Европе, и в Англии в том числе, — с преобладанием, вероятно, традиций и возможностей французской кухни. Однако такой, на первый взгляд, кажущийся безликим гастрономический репертуар для людей данной части общества выглядит довольно органично — несмотря на свою «инонациональность», «привнесенность извне». Примечательно, что Дж. Элиот, по-видимому, совершенно сознательно, не упоминает, например, блюд индийской кухни, хотя в то время они уже были известны англичанам (как, например, карри или пилав, которые упоминаются У.М. Теккереем в романе «Ярмарка тщеславия», где речь о временах и событиях еще более ранних). При этом стоит отметить, что именно мистер Брук, встретив племянницу после свадебного путешествия в Рим, утверждает, что «английская говядина и английская баранина» [6: 282] быстро улучшат настроение ее супругу Кейсобону.

Отличная кухня и вместительная молочная в сельском поместье богача Фезерстоуна словно призвана олицетворять собой воплощение простой, но рационально устроенной жизни множества зажиточных сельских сквайров начала века. Огорока, жареная телятина, сыр, ветчина, молоко — простая и сытная деревенская пища, характеризующая в том числе и национальные особенности собственно английской кухни с незапамятных времен.

Местный фабрикант Винси, человек незнатного происхождения, но оборотистый и весьма удачливый в делах, держит открытый дом для «нужных» людей со всей округи. Это самый щедрый и хлебосольный хозяин, у которого даже на завтрак на столе одновременно можно увидеть «кофе, тартинки, ветчину, вареную говядину и другие холодные закуски... яичницу» [6: 103], селедку и жареные ребрышки; к обеду подают пунш, коньяк и лимоны. Вот почему, оказавшись в затруднительном материальном положении, его сын Фред с ужасом представляет себе самую низшую степень бедности как «обед холодной бараниной» [6: 237]. Зато, например, для Кэлеба Гарта, человека небогатого, но всю жизнь занимающегося исключительно «делом», именно такой обед (вообще любое «мясное блюдо» [6: 564], а также «пирог с фруктовой начинкой», которые готовит его жена [6: 250]) кажется вполне приемлемым. Главная ценность в том, что обед отлично приготовлен и призван, прежде всего, поддерживать силы здорового работающего организма.

Лица духовного звания едят в соответствии с доходами своей семьи, которые представлены, как минимум, неоднозначно. Например, состоятельный ученый Кейсобон — владелиц ручья, но не удит рыбу. Причина, вероятно, в том, что рыба в Англии в XIX веке считалась пищей людей небогатых, даже бедных, а он, скорее, относится к представителям местной знати (если учесть довольно редкие и весьма абстрактные упоминания о его рационе). Зато ловлей рыбы периодически занят небогатый священник Кэдуолледер [6: 70], у которого очень хозяйственная жена, знающая толк в простой, питательной кухне и привыкшая выходить из любого затруднительного положения. Она — кладезь практических знаний о пирогах, пудингах, паштетах, компотах, курице и зайчатине, рыбе и картофеле, хотя происходит из состоятельного семейства, а ее брак с Кэдуолледером — мезальянс [6: 58, 61-62]. В свою очередь, священник Фербратер вырос в семье, где нормальным считалось быть умеренным в питании. Наверное, поэтому он показан за скромным ужином с традиционными для англичан в XIX веке чаем, поджаренным хлебом и маслом [6: 176-177].

Зажиточные фермеры-арендаторы возделывают огороды (овощи в XIX веке — также пища небогатых англичан), сажают на полях ячмень, выращивают свиней и кур [6: 80]. Дети бедняков воруют репу; радуются кусочкам сахара, леденцам и имбирным пряникам, которыми их одаривают взрослые [6: 240, 465, 512]. Сами же бедняки, попавшие в связи с тяжелыми временами в трудное положение, мечтают о предельно простой, но сытной крестьянской пище: хлебе, мясе и сале [6: 560].

Таким образом, в целом в романе обнаруживается национально ориентированный гастрономический контекст, практически представленный продуктами и блюдами, которые употреблялись в Англии еще в эпоху Средневековья, до XV века, — по крайней мере, в течение жизни не одного десятка поколений. (Об этом может свидетельствовать, например, описание грандиозных коронационных торжеств еще при Эдуарде Долгоногом: «Для коронационного угощения в Лондон доставили, помимо прочих

яств, четыреста быков, четыреста баранов, четыреста пятьдесят свиней, восемнадцать диких кабанов, триста окороков ветчины и двадцать тысяч птичьих тушек. Городские фонтаны били не водой, а красным и белым вином...» [1: 188-189]).

Экстравагантные попытки выйти за пределы национально окрашенного гастрономического репертуара в романе выглядят скорее как «тупиковые», не имеющие продолжения, и соотносятся скорее с неким экспериментом (вино, омары и опиум у Ладислава, буквально пробующего в молодости жизнь «на вкус» и очень быстро отказывающегося от такого «меню» [6: 86]). В целом же возникает ощущение, что Дж. Элиот в романе настроена не то чтобы оптимистично в отношении ожидаемых героями романа реформ, но, по-видимому, достаточно уверена в том, что собственно традиционные основы английской жизни (и еда как «основа основ» в том числе) останутся прежними. Вероятно, поэтому конфликты, возникающие по мере развития сюжета между жителями Мидлмарча и окрестностей, представляются подчас в высшей степени драматичными, но не буквально трагически неразрешимыми.

Герои же романа Ф. М. Достоевского «Бесы» — это люди самого разного происхождения, в силу многих причин охваченные жадной всевозможных перемен «во что бы то ни стало», словно одержимые «бесами» из библейской притчи. Эта жажда перемен заставляет их прежде всего отказываться от того, что связывает с ненавистным Отечеством: от традиционного уклада жизни, от православной веры, от освященных веками семейных отношений, и, что самое любопытное, — от традиционного для России гастрономического репертуара. Стремление во всем следовать абсолютно чуждым русскому человеку идеям либерализма, пришедшим из западного мира, обнаруживается даже в том, как и что герои романа «Бесы» собираются есть. Они не показаны в процессе трапезы как таковой: если в английском романе обед, чай или кофе — это всего лишь повод для беседы, диалога о настоящем, о текущих событиях, то в русском варианте «романа о реформах» это всего лишь нечто, что должно быть, ожидается или уже завершилось. Разговоры, точнее, страстные монологи о будущем, об определенном устройстве общества, практически заменяют им еду.

Намеренный отказ от национально ориентированной пищи — как индикатор той «каши», в которую хотят превратить жизнь провинциального города доморощенные «реформаторы» во главе с негодяем Петром Верховенским [2: 639] — просматривается в жизни представителей практически всех слоев губернского общества. Сравнительно недавно ставший привычным в России XIX века «стол» — «буфет» и «закуска», преимущественно упоминаемые в романе, — в действительности, явления глубоко чуждые национальным русским традициям, привнесенные «извне». «Неестественность» ситуации, возникшей в губернии (да и, вероятно, во всем русском обществе, по мнению Ф. М. Достоевского), обнаруживается, например, в том, что знаковое событие в жизни губернского города — «бал в пользу бедных гувернанток» с «кадрилью литературы» — обслуживает известный «повар Прохорыч», явно осваивавший ремесло в русле традиций французской кухни. Функция его состоит исключительно в почтительном сопровождении «закусочного стола» с шампанским в буфете [2: 449, 485].

У Лебядкиной на столе «надкусанная немецкая белая булочка», которую она почему-то берет только левой рукой [2: 148, 150]. У капитана Лебядкина, когда он встречает у себя Ставрогина — неожиданно умело сервированный стол с закусками [2: 262]. «Наши», собравшиеся для обсуждения радикальных идей по переустройству русской жизни, надеются на ужин, а им предлагают чай и все те же закуски [2: 378-379]. «Супруга генерал-лейтенанта и значительная богачка», владелица собственного имения Ставрогина, хотя и не избегает к тому времени уже ставшей русской привычки «пить чай», «конфеты» — по сути, глубоко чуждое русской кухне изобретение, как впрочем, и любой «сладкий десерт» — заказывает в Петербурге [2: 610].

Писатель Кармазинов, призывающий «любить Отечество», но при этом годами живущий за границей, каждое утро поглощает свою неизменную «котлетку» (блюдо европейской кухни) «с полстаканом красного вина», а после котлетки следует «маленькая чашечка кофе» [2: 358]. Так, с одной стороны, в его дневном рационе подчеркивается приоритет завтрака (обычай, характерный для многих кухонь мира и ведущий происхождение из самой гущи народной жизни), но, с другой стороны, упомянутые продукты и блюда глубоко чужды традиционной русской кухне.

Степан Трофимович Верховенский — «происхождения, кажется, невысокого», но воспитанный «в одном знатном доме в Москве и, стало быть, прилично» [2: 28] — абсолютный поклонник «шампанского» и «вина», иногда «закусок» к ним, что часто заменяет ему пищу как таковую. Этот господин ведет праздный образ жизни и считается чуть ли не представителем «высшего света» в губернском городе. Примечательно, что он практически во всех своих монологах, особенно в «защиту красоты» и прочих «идеалов», выступает против «хлеба» [2: 218, 469]. Возникает ощущение, что именно хлеб представляется в его системе ценностей чуть ли не «главным злом».

Очевидно, что Степан Трофимович, ведущий праздный образ жизни и живущий за счет Ставригиной, подсознательно противопоставляет себя любой ситуации, в которой его можно упрекнуть за нежелание заниматься «хлебом насущным». Но здесь обнаруживается и более любопытный нюанс: хлеб, вероятно, вызывает в Верховенском неприязнь как воплощение «кислой среды», некоего преобладающего вкуса исконной русской кухни, непосредственно связывающей представителя любого сословия или класса с традиционным ментальным контекстом, сформировавшимся в течение жизни многих поколений. Хлеб как основа «русского вкуса», как и любая другая традиционная еда и напитки (например, водка), выступает в данном случае как своеобразных индикатор «своего», которое в силу разных причин воспринимается враждебно, как «чужое».

Однако в конце жизни, покинув город, заболев и оказавшись в обычной крестьянской избе, он вдруг непосредственно приобщается к совершенно иной среде, которую, по сути, всю жизнь сознательно игнорировал: «На большой тарелке с крупными синими узорами явились блины — известные крестьянские тонкие, полупшеничные, облитым горячим свежим маслом, вкуснейшие блины. Степан Трофимович с наслаждением попробовал. Как жирно и как это вкусно!» [2: 608]. При этом он не только восхищается блинами, но и просит водки — напиток «подлого сословия», используя беспомощные французские эвфемизмы. В итоге же, приобщившись к этим элементам полуязыческой, полуправославной русской трапезы, Степан Трофимович умирает, успокоенный, вспомнив веру и Бога.

Засилье разрушающих «европейских» идей Ф.М. Достоевский демонстрирует и на примере Петра Верховенского. Его трапеза в трактире — наглая демонстрация «чуждости» этого человека всему, что окружает его в городе. В романе он жадно и много ест, например, поглощает «бифштекс»: «Петр Степанович не торопился, ел со вкусом, звонил, требовал другой горчицы, потом пива...» [2: 531]. Все в его рационе «чужое», и в прямом, и в переносном смысле: начиная от собственно происхождения блюд, приправ и напитков и заканчивая самой пищей. Как, например, жадно съеденная им у Кириллова «курица с рисом» [2: 584]. (Мясо птицы и крупа — из разряда совершенно «новых» пищевых сочетаний, ставших показателем выхода на историческую арену «разночинцев», людей, оторвавшихся от традиций и лишенных при этом изначальной пищевой культуры, присущей родовой аристократии). Примечательно то, что Кириллов приготовил эту пищу для себя, но не смог съесть перед самоубийством, а поглощает ее в итоге Верховенский. Он мечтает сотворить из жизни в России «кашу», смешав все, что только можно, сделав относительными и низведя до нижайшего уровня все ценности ради идеи абсолютно нивелирующего «равенства». Однако примечательно, что каша — традиционное блюдо русской кухни. Так, можно предположить, что даже самая либеральная, изначально «чужая», идея в контексте принципиального отказа от «своего», с учетом особенной «русской отзывчивости» (по Ф. М. Достоевскому), становится в итоге неотъемлемой частью русской жизни, которую эта же русская жизнь в конце концов и поглощает без остатка.

Таким образом, обращение к определенному гастрономическому контексту в романах и Джордж Элиот, и Ф. М. Достоевского выглядит далеко не случайным. Персонажи этих произведений получают собственный «голос» и «вкус», которые дают им право свободно выбирать между «своим» и «чужим». Однако в даже, казалось бы, крайне индивидуальных проявлениях они призваны продемонстрировать не только стремление к всеобщей стандартизации, актуальной в XIX веке, но и, как это ни парадоксально, черты своей национальной принадлежности.

Литература

1. Диккенс Ч. История Англии для юных / пер. с англ. Т. Бердиковой, М. Тюнькиной. М.: Изд-во БСГ-Пресс, 2005. 599 с.
2. Достоевский Ф. М. Бесы. С.-Пб.: Азбука-классика, 2007. 704 с.
3. Загидуллина М. Международная конференция «Пищевой код в славянских культурах» // НЛО. 2009. №95 // URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/za34.html> (Дата обращения 17.05.2016).
4. Кюстин А. де Записки о России / перев. с франц. / предисл. и коммент. В. Нечаева. М.: СП Интерпринт, 1990. 144 с.
5. Милль Дж. С. О свободе / пер. с англ. А. Н. Неведомского // О Свободе: Антология мировой либеральной мысли (первая половина XIX века) // URL: http://az.lib.ru/m/millx_d_s/text_1859_on_liberty.shtml (Дата обращения 10.05.2016).
6. Элиот Дж. Мидлмарч / пер. с англ. И. Г. Гуровой, Е. В. Коротковой. М.: АСТ: Астрель, 2012. 829 с.